

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮЛЯ 1955 ГОДА
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ

5 май
1997

СОДЕРЖАНИЕ

ПИТЕР АКРОЙД — Процесс Элизабет Кри. Роман об убийствах в Лайм-хаусе (Перевод с английского Л. Ю. Мотылева).....	5
СОЛ БЕЛЛОУ — Рассказы (Перевод с английского Л. Беспаловой)	124
Из классики XX века	
ВЛАДИМИР НАБОКОВ — Сёстры Вейн (Рассказ. Перевод с английского, примечания и послесловие Г. Барабтарло).....	163
Возвращаясь к напечатанному	
С. ЗЕНКИН — Денон, Бальзак, Кундера: от преромантизма до постмодернизма.....	174
ВИВАН ДЕНОН — Ни завтра, ни потом (Повесть. Перевод с французского И. Кузнецовой)	182
Вглубь стихотворения	
УИЛЬЯМ БЛЕЙК — Муха. Тигр. Лондон. Лилия (Переводы с английского. Вступление Алексея Зверева).....	193
Литературное наследие	
Три рассказа о радже Викрамадитье (Из книги Видьяпати «Испытание человека». Перевод с санскрита и вступление С. Д. Серебряного).....	211
Критика и публицистика	
МАРИО ВАРГАС ЛЬОСА — Правда в вымыслах (Перевод с испанского Н. Богомоловой).....	224
ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ — Поэт и мир (Нобелевская лекция 1996 года. Перевод с польского и послесловие К. Старосельской)	236
АЛЕКСАНДР ГЕНИС — Бродский в Нью-Йорке.....	240
Трибуна переводчика	
«Ты находишься при хорошем деле...» (Беседа Сергея Гандлевского с ВИКТОРОМ ГОЛЫШЕВЫМ).....	250
Среди книг	
<i>Россия и Зарубежье</i>	
С. АПТ — В Москве и в Кёльне. БОРИС ФРЕЗИНСКИЙ — Новая биография Ильи Эренбурга. Н. БОГОМОЛОВ — История в судьбе.....	260
УМБЕРТО ЭКО — Внутренние рецензии (Перевод с итальянского Елены Костюкович)	268
Курьер «ИЛ»	274
Авторы этого номера	277
Post scriptum	
АЛЕКСЕЙ МИХЕЕВ — Неотмеченные юбилеи, или О чем писала «Иностранка» 100, 200, 300, 400 номеров назад	280
Анкета для читателей	287

ИСТОРИЯ В СУДЬБЕ

D' Ivanov a Neuvécelle. Entretiens avec Jean Neuvécelle recueillis par Raphaël Aubert et Urs Gfeller. Preface de Georges Nivat. [Montricher (Suisse)], Les Editions Noir sur Blanc, [1996].

От Иванова до Нёвеселля. Беседы с Жаном Нёвеселлем, записанные Рафаэлем Обером и Урсом Гфеллером. Предисловие Жоржа Нива, 1996.

Есть вещи, которые самым своим существованием заставляют явственно ощутить реальность истории. А еще более убеждает человек, связывающий своим бытием различные времена. Именно таков Димитрий Вячеславович Иванов, сын Вячеслава Великолепного (по картинному определению Льва Шестова), которому в 1997 году исполняется 85 лет. Он не только хранитель римской части архива своего отца и носитель завещаемого нам предания, не только блистательный русский европеец, полиглотически воспринимающий всю сегодняшнюю культуру, не только выдающийся собеседник, общение с которым доставляет истинную радость, но и самостоятельная творческая личность — журналист, автор пяти книг, воспоминаний об отце (с недавних пор печатаемых по-русски), свидетель и участник европейской истории большей части нашего века.

Родившись в 1912 году в маленькой французской деревушке Нёвеселль, давшей ему псевдоним, детские годы Димитрий Вячеславович провел в Москве, в расположенной так же высоко, как и знаменитая «Башня», квартире на Зубовском бульваре; потом, после смерти матери, жил с отцом и старшей сестрой в Баку; потом, в 1924 году, также вместе с ними, оказался в Италии, а дальше началась интереснейшая история жизни, насыщенной не столько приключениями, сколько историческими и культурными переживаниями.

Сам главный рассказчик этой книги, где интервьюеры укрываются за скромной ролью подыгрывающих (но подыгрывающих очень умело, с полным знанием того материала, который может приоткрыть будущим читателям их собеседник), так определяет свою культурную принадлежность: «Я чувствую, что по воспитанию и образованию я принадлежу к миру франкоговорящих, к французской культуре, и в то же время у меня есть очевидное ощущение того, что я принадлежу к русской традиции». Но

при этом он большую часть своей жизни прожил в Риме, какое-то время преподавал немецкую литературу, вполне свободно владеет английским языком... Резко протестуя против космополитизма как утраты культурной идентичности, он блестяще демонстрирует, что такое истинная вселенскость, когда человек одинаково естественно чувствует себя в любой естественно воспринятой им культуре, сохраняя при этом все корни, связывающие с происхождением, детством, ранними впечатлениями.

Именно вселенскостью определяется и религиозное сознание, выраженное на страницах этой книги бесед. И Вячеслав Иванов, и его дети — Лидия и Димитрий, — воспитанные в православии, стали католиками. Но главным при этом было ощущение не отвержения первоначальной конфессии, а, наоборот, восхождения к чаемому религиозному единству, где частный выбор объясняется как шаг к истинному, евангельскому христианству. Строгая простота рассказа делает его одним из лучших мест в книге, и не сразу осознаешь, что кажущаяся естественность такого шага на самом деле была предопределена единством человеческой судьбы, которую сознательный человек строит для себя сам, выбирая путь с ответственностью, надлежащей в идеале всякому. А тогда уже рассказать об этом становится просто.

Долгие годы Д.В.Иванов под псевдонимом Жан Нёвеселль (это не только название места рождения, но может быть понято и как *nova cella* — «новая клетка» или «новая келья») был корреспондентом популярнейшей газеты «Франс суар», рассчитанной на самого широкого читателя. Не раз на страницах книги возникает знаменитая консержка, для понимания которой должны были быть приспособлены все печатающиеся в газете материалы. Школа обращения к самому простому читателю делает книгу бесед с Жаном Нёвеселлем увлекательной даже для тех, кто не имеет ни малейшего представления о событиях в фашистской Италии, оккупированной Франции, чрезвычайно замкнутом Ватикане сороковых — пятидесятых годов. Политика, экономика, культура, религия, обыденная человеческая жизнь становятся внятными для любого. А Нёвеселлю есть что рассказать читателю. Рим двадцатых, тридцатых и сороковых, швейцарские санатории конца двадцатых, Франция тридцатых, СССР второй половины пятидесятых, Алжир периода войны за независимость — все это показано изнутри,

с точки зрения человека, тонко воспринимающего как внешность, так и внутреннюю природу того мира, где он хотя бы на какое-то время становится обитателем.

Но, пожалуй, наиболее значимы рассказы о жизни Ватикана, где Жан Нёвеселль был аккредитован долгое время. Обстановка, люди, настроения, проблемы, как собственно вероисповедные, так и иные (замечательно, например, описание того, как Иоанн XXIII впервые решился выехать за пределы Ватикана, нарушив давний запрет), — все это делает книгу более чем интересной. Для читателей, чаще всего очень плохо представляющих себе атмосферу вокруг Святого Престола, эти рассказы, исполненные наблюдательности, точности и в то же время глубокого искреннего почтения к римским Первосвященникам, в которых видятся и наследники святого Петра, и обыкновенные люди со своими достоинствами и недостатками, — придают повествованию такую яркость, что начинаешь испытывать особое уважение к рассказчику, мастерски рисуящему перед нашими глазами картины почти абсолютно неизвестной жизни.

Ну и, конечно, нельзя обойти вниманием встречи Иванова-Нёвеселля с самыми разными сторонами культуры разных стран. Тут и пристрастия в литературе и искусстве, через которые он прошел (как естественно звучит в его устах: «В то время я был очень рилькеански настроен» или «Я был валерианцем, — я валерианец и до сих пор, но тогда был им безмерно больше»), и осознание того, что значила современная западная культура для его отца (от того же Валери до Агаты Кристи), и собственные встречи с Камю, Мориаксом, Бернаносом, Клоделем, Кокто... Но это, как и в случае с отцом повествователя, Вячеславом Ивановым, никогда не было знакомством ради знакомства. Всегда должна была образоваться какая-то сердечная приязнь, чтобы симпатия могла проявиться в полной мере.

Показателен эпизод, связанный с раз-

мышлениями об известности Вячеслава Иванова на Западе. После упоминания о том, как его посетили Мартин Бубер и Габриэль Марсель, интервьюер спрашивает: «И Бенедетто Кроче тоже?», на что следует ответ: «Бенедетто Кроче также приезжал, но это был скорее философский противник». И далее идет рассказ о том, как Алессандро Пеллегрини организовал встречу Иванова и Кроче, они дружелюбно спорили и столь же дружелюбно расстались.

Для повествователя более всего в человеке важна «самость», чувство osobosti, неприносимой в жертву никаким внешним интересам. Такая особость в высшей степени присуща ему самому и в книге бесед отлично чувствуется на протяжении всех трехсот страниц ее текста (далее следует ряд переводов из Вячеслава Иванова, сделанных Жоржем Нива, а также именной указатель, впечатляющий обилием знаменитых имен, принадлежащих по большей части знакомым или самого повествователя, или его отца).

Но формируется она, эта особость, не какими-то внешними, насильственными способами, а глубоким подчинением стремлению выявить в себе изначально заложенные исторические корни, понять себя как человека, невидимо и неосязаемо пронизанного воздухом всей истории человечества, где Рим естественно сопрягается с Баку или Средней Азией, Владимир Соловьев — с секретным докладом Хрущева, кажущаяся неподвижной традиционность Ватикана — с острой газетной современностью, которая также стремительно историзируется, отпечатлеваясь не только в прозвучавших и забытых радиопередачах или на ветшающих газетных страницах, но и в сознании современников. И тогда судьба становится общепригодной, общезначимой, а слова — неотразимо привлекательными, приковывая читательское внимание с первых и до последних строк книги.

Н. БОГОМОЛОВ